

Актуальное прошлое: мифы и реальность

ВЧЕРА, 22 МАЯ, В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРОФСОЮЗОВ ОТКРЫЛИСЬ VIII Международные Лихачевские научные чтения «Диалог культур и партнерство цивилизаций». «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА» ВЫСТУПИЛА ОДНИМ ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ СЕКЦИИ «АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: РЕАЛИИ И МИФЫ ИСТОРИИ» ВМЕСТЕ СО СВОИМИ АВТОРАМИ И ЭКСПЕРТАМИ, СРЕДИ КОТОРЫХ, В ЧАСТНОСТИ, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ РОСАРХИВА, НЕМЕЦКИЙ ПОЛИТОЛОГ АЛЕКСАНДР РАР, ФРАНЦУЗСКИЙ СЛАВИСТ РЕНЕ ГЕРРА, ПИСАТЕЛИ СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ И ПЕТР ВАЙЛЬ. «РГ» СЕГОДНЯ ПУБЛИКУЕТ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН ВЛАДИМИРА КОЗЛОВА, КОТОРЫЕ ЛЕГЛИ В ОСНОВУ ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. | с. 9

Настоящее прошлое

От каких исторических мифов нам предстоит избавиться?

ВИКТОР ВУЛПА / «ГОТОВ К ТРУДУ И ОСОРОЧЕНИЮ», 1937

взгляд

Владимир Козлов

РУКОВОДИТЕЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО
АРХИВНОГО АГЕНТСТВА,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН

ССАМОГО начала понимаю угрозу главного — оказаться в тех рамках публицистического восприятия истории, которые не так давно были продемонстрированы на страницах «Российской газеты» участниками дискуссии по поводу выстраданной и убедительно документированной статьи А.И. Солженицына о событиях февраля 1917 г. Очень не хотелось бы видеть в связи с этим осуждающие глаза не самых худших знатоков и носителей конкретного исторического знания — моих коллег — историков-архивистов, принципиально далеких от политологических оценок и политических конструкций.

Говоря об исторических мифах, следует понимать их многообразие. Есть многовековые мифы, ставшие частью национального самосознания, и не надо на них посягать. И есть исторические мифы нашего времени, сознательно создаваемые как один из инструментов в широком смысле информационной войны, в наше время даже специальными институтами. О таких исторических мифах следует сказать особо.

Есть мифы, основанные на сфальсифицированных документах, выдаваемых за подлинные исторические источники. С помощью документов, касающихся приемов анализа выявить и доказать такую фальсификацию не так уж и сложно, хотя имеются документы пограничного характера, например, воспоминания Распутина.

Имеют место простые мистификации фактов, событий произошедшего. Керенский, убегающий из Петрограда в 1917 году в женском платье, — один из них. На основе имеющихся документов с помощью общепринятого инструментария не столь и трудно доказать их достоверность или ложность. Рано или поздно, но так и случается. Например, так произошло с комплексом документов, касающихся финансирования большевиков со стороны германского правительства накануне революционных событий 1917 года в России.

Есть исторический миф-явление, исторический миф-процесс. Их опровержение представляет собой уже самостоятельное сложное исследовательское предприятие с неизвестным или трудно доказуемым результатом. Такое опровержение нередко может стать очередным историческим

мифом-явлением, мифом-процессом. Сталин Берия после смерти Сталина реформатором, чьи идеи потом подхватил Хрущев, или же Берия руководствовался обычными личными политическими интересами момента — всего лишь один из примеров мифов-явлений.

Очень трудно порой, если ориентироваться на современную, безусловно, свободную, хотя и ангажированную по разным причинам и основаниям историографию, понять, что перед нами: доказанные явление и процесс прошлого или не доказанные, но внедряемые исторические мифы-явления, мифы-процессы.

В какой-то степени одним из инструментариев такого понимания является типология мотивов возникновения действительных мифов прошлого и настоящего.

Самые простые и очевидные мотивы — заблуждения человека, историка, неосознанно вводящие в такие же заблуждения других. С этой точки зрения вполне понимаю некоторых прошлых и современных историков, положивших в основу своей методологии идею о том, что в России всегда шла борьба между патриотами, желающими стране добра и процветания, и некоей «пятой колонной», главной задачей которой являлось и является ее разрушение. Мир сегодняшний и мир прошлый с позиций такой методологии выглядит простым и понятным. Грубо говоря, эта методология основывается на взгляде из прицела трехлинейки времен Гражданской войны — там, в этом прицеле, виден только враг, даже тогда, когда такой войны нет.

Следующие мотивы, подчас уже более хитроумные, — это сознательные умыслы, преследующие личные или некие общественные интересы. Современный мир — это хаос, а уже история — тем более, так можно определить исторические изыскания Фоменко и его последователей, разрушающих не явления и процессы прошлого, а его факты и события и на основе такого разрушения предлагающих мифы-явления и мифы-процессы прошлого.

И, наконец, самые сложные и изощренные мотивы — это политические интересы корпоративных сообществ и государств. Как правило, эти мотивы определяются сиюминутными, среднесрочными и даже долгосрочными политическими целями. При этом важно понимать фундаментальность таких интересов. Едва ли не все крупные и значимые историографии нового времени, времени становления современных национальных государственных образований выросли на идее национального самосознания. Тацит, описавший разло-

жение Рима, для таких историографий был и всегда останется неприемлем.

Уже в новое время мистификация истории получила свое широкое распространение и обосновывалась воспитательной ролью истории для граждан нарождающихся государств. Потакому пути сегодня пошла, например, современная официальная украинская историография. Никто не сможет оспорить, что в общественно-политической мысли, среди представителей украинского политического сообщества на протяжении столетий после добровольного и законного вхождения Украины в состав России культивировалась идея «самостийности», в разные времена подкреплявшаяся и реальными действиями реальных политических сил. Можно спорить о том, были ли они маргинальными или преобладавшими, но подавлявшимися некими внешними силами. Но невозможно отрицать нахождение Украины как части целого в некоем

графике новой России пытается основать свою методологию на поиске «праотеческих добродетелей», патриотизме и соединить их с идеалами рыночной экономики и демократии.

И кто скажет, что по-своему не были правы представители всех этих четырех (мы, разумеется, взяли не все течения российской историографии) историографий. Было Российское государство как мощнейший элемент укрепления России и как элемент угнетения, подавления. Были беспощадные народные движения, коллективизация, ГУЛАГ, победа в Великой Отечественной войне, высокие духовные порывы и выдающиеся экономические свершения капиталистической России и СССР. Все эти и прочие историографии прииспосабливали себя к «актуальному настоящему», а то и вовсе были его простым порождением.

Но, может быть, в других странах все иначе? Может быть, мы другие и только у нас «непредсказуемое прошлое»?

Уважать прошлое — не значит скрывать его трагические страницы. А значит признать случившееся как непоправимое, как урок поучительный, о котором необходимо помнить

государственным образованием, равно как и трактовать те или иные события собственно украинской истории, являвшейся общедоступной для государства, в которое она входила, в зависимости от того, выгодны или невыгодны они для современной независимой Украины.

Разумеется, политические мотивы мифологизации истории со временем неизбежно меняются. Возьмем отечественную историографию. Карамзинская модель отечественной истории оставалась популярной и признанной в России едва ли не весь XIX век, объединив идеи государственности, российской народности, гражданской нравственности и православия. Марксистская модель, использовавшая наработки Ключевского, изящно и внешне, как и у Карамзина, вполне убедительно российский исторический процесс представила в виде сменяемости и борьбы классов, приведшей к буржуазно-демократической и социалистической революциям. Историография перниода перестройки сделала историю России, во всяком случае — XX века, сплошным месивом крови, страданий, пота и слез. Историо-

Далеко не так. Послушаем шведского посла в России Ю. Муландера — его ответ (от 30 января 2007 г.) на предложение Центрального штаба Международной акции-проекта «Мы — наследники Победы!» принять и Швеции участие в «праздновании 300-летия Полтавской битвы и победы при Лесной». Позволю себе процитировать большой кусок этого ответа. «Полтавская битва — важное историческое событие и для Швеции, — пишет посол. — Она стала поворотным моментом — с этого времени начался отход Швеции от великодержавия, сопровождавшийся постепенным сокращением территории, в результате чего наша страна вернулась к естественным географическим и этническим границам... Как ни парадоксально, в исторической перспективе польско-датско-российская агрессия 1700 года пошла на пользу шведскому государству.

Правда, в XVIII и XIX веках в Швеции еще сильно были патриотические и реваншистские настроения. Устанавливались памятники, обычным явлением была патристическая риторика о подвигах и старинных битвах... Границы Швеции, установленные по условиям Столбовского мира (1617) и

Вестфальского мирного договора (1648), воспринимались как знак могущества собственного государства. Под влиянием романтики процветала подтасовка исторических фактов: наши монархи изображались героями, а противник высмеивался (например, бегство Петра I из Нарвы до боя).

Такие проявления вряд ли приемлемы в современной Швеции, исключая разве что некоторые самые маргинальные группы...».

В процитированных словах посла — квинтэссенция политического восприятия шведской истории. Швеция сегодня — маленькая, но процветающая страна, поэтому причины этого среди прочего теперь можно найти и в том, что поражение в Полтавской битве стало толчком к ее благополучию сегодня. Правда, два столетия, а то и больше, «патриотические и реваншистские» истории, теперь ставшие маргинальной группой, смотрели на шведскую историю через статьи Столбовского и Вестфальского мирных договоров. Теперь такой взгляд не нужен. Почему же? Да потому, что в современных мировых реалиях он невозможен. Заодно между строк и России рекомендовано вернуться к «естественным географическим и этническим границам», вероятно, Московии как залогом ее будущего процветания на шведских основаниях.

Понятие истории как реконструкции прошлого сегодня особенно стремительно компрометируется. Современные рассуждения об истории мне все больше и больше начинают напоминать картинку, которые возникают при прокручивании примитивного механического прибора под названием калейдоскоп. Вот и крутятся, этот самый прибор. Историки, политики, политологи, изменяя проекцию имеющихся в нем камушков между трех зеркальных плоскостей, пытаются в их хаотическом отражении найти нечто понятное для себя, а потому близкое, чтобы затем в очередной раз громко заявить о некоем тезисе, который в чреде других уйдет невосвратно.

Современная историография, подчеркну, что говорю не только о российской, в самых разных проявлениях ее различных течений в значительной степени ориентирована на быстрый успех — политический, политологический, общественный, материальный, просто личный. Какие страсти, теперь освобожденные от цензуры, бушуют в ней! В погоне за таким успехом ей некогда заниматься первоисточниками, идти от них к выводам. Проще всего эти выводы набросать для себя в виде тезисов, а потом подкрепить их цитатами из документов, тем более что такие цитаты обязательно найдутся. Иначе говоря, «приноро-

Этот снимок 1937 года из реальности того времени перешел для нас, сегодняшних, в исторический миф.

вить» историю к настоящему. Это всегда сделать легче, безопасней и не без надежды на успех. Известный марксистский историк М.Н. Покровский как-то заметил, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. У этой примитивной, но точной с позиций реалий не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня формулы представления об истории есть более древняя, более изящная и не менее циничная формула-предшественница, предложенная Августинем Блаженным: «Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Иначе говоря, истории как таковой нет, есть лишь наше постоянно изменяемое настоящим представление о ней.

Современное человечество за время своего сознательного, а это значит документированного, существования в своей истории всегда видело и будет видеть прежде всего политически значимые для современности факты, события, явления и процессы прошлого. И в соответствии с каждой сиюминутной политической актуальностью интерпретировать их, рождая не столько новое историческое знание, сколько новые мифы. В современном мире для их внедрения нет и не может быть препятствий, даже если, опасаясь за будущее мировоззрение своих граждан, против них выступит государство с его обязательным и оправданным желанием построения определенной идеологии, в том числе опирающейся на историю.

И иного власти не дано. В условиях плюрализма общества во взглядах на современность и прошлое, в условиях невозможности консенсуса должна быть выработана некая компромиссная, примиряющая всех нас концепция, обеспечивающая «арифметику» восприятия истории, и, в меру наших сил, опираясь на нее, такое же отношение к сегодняшнему. Любому государству нужна «историческая арифметика», так же, как конкретному человеку — обычная арифметика.

Принцип уважения прошлого и сострадания к нему вовсе не означает сокрытие или восхваления его неприятных, трагических страниц, фактов, явлений, процессов. Он означает признание случившегося как уже непоправимого, как не просто урока, который необходимо знать в конкретный момент бытия, но урока поучительного, о котором по меньшей мере необходимо помнить.

Полностью статья В.П. Козлова публикуется на сайте «Российской газеты» www.rg.ru